

После первых нескольких раз, когда он вторгся в сознание девушки, Снейп оставил свои поиски, чтобы исследовать области, которые ни один приличный волшебник намеренно не исследовал бы. Он быстро обнаружил, что мозг девушки необычайно трудно исследовать. Дело было не в том, что девушка практиковала окклюменцию, потому что, столкнувшись с этим, он бы даже не догадался, что существуют какие-то барьеры. Это было совсем другое - в сознании Имоджин существовали области, которые, как он полагал, были неизвестны даже ей, а значит, и ему, по крайней мере сейчас. С другими девушками он находил непристойное удовольствие в изучении секретов общежития и других ступеней в развитии подростка, но с Имоджин он не мог научиться таким вещам без крайних усилий, и он обнаружил, что, когда он размышлял о том, чтобы пойти на крайности, он испытывал чувство стыда. И поэтому в этот вечер, как и в другие вечера в последнее время, он удовольствовался тем, что просматривал только мысли девушки о ее академическом развитии, ее надеждах, ее проблемах, ее страхах.

Имоджин указала на одну из строк в инструкции, которую он ей дал, прерывая зрительный контакт и таким образом его связь с ее внутренними мыслями. Ему пришлось на минуту задуматься, чтобы сосредоточиться на ее вопросе, а затем они начали обсуждать некоторые другие противоядия, которые она будет изучать. Через некоторое время он отпустил ее, посоветовав, что, возможно, ей следует отказаться от маховика времени на этот вечер - она выглядела усталой. На самом деле, он заметил глубокую усталость девушки - он был убежден, что девушка не справляется со своими сверхдлинными днями так хорошо, как она думала.

Имоджин обрадовалась этому предложению, обрадовалась тому, что ей разрешили, а может быть, даже приказали на этот раз оставить маховик времени в покое и воспользоваться возможностью поспать подольше. И поэтому она направилась в гриффиндорскую гостиную, сразу же пожелав спокойной ночи своим соседям по дому. В мгновение ока она крепко уснула, и ее сны стали счастливыми для разнообразия. Сначала ей приснилась сова, возможно, потому, что у Имоджин теперь был постоянный корреспондент, и она ждала возвращения совы из-за того, что та забирала последнее письмо, а ее корреспондент не мог позволить себе собственную сову. Потом ей снова приснился странный сон о другой стране, волшебной, но не такой, как Хогвартс, белой и чистой. В этой стране грез она была действительно свободна, двигаясь с огромной скоростью по блестящей поверхности, не летая, но ее ноги не касались земли. У нее была волшебная палочка, но она была намного больше, чем должна быть, и требовала двух рук, чтобы держать ее. На заднем плане она услышала звуки театрального органа, а затем рев толпы. Любопытно, кто наблюдал за спящей Имоджин, заметил бы ее улыбку.

На следующее утро Имоджин проснулась задолго до своих соседей по дому, хорошо отдохнувшая и полностью бодрая после своего лучшего сна с момента прибытия в Хогвартс. Она приняла душ и оделась, бесшумно двигаясь по комнате, пока собирала свои книги, стремясь попасть в пустой класс на втором этаже. Судя по всему, она вряд ли кого-нибудь разбудит. Гермiona была мертва для всего мира. Падма, как обычно, была в ночной маске, очень нетерпимая к малейшему свету в ночное время. И Лаванда снова захрапела, причем громко, но на остальных этот звук не произвел никакого впечатления. Имоджин на цыпочках спустилась по лестнице, прошла через гостиную и вышла в коридор.

- Кто-то рано встал, - сказала толстая дама, немного раздраженная тем, что ее разбудили в такой ранний час.

- И Вам доброе утро, - ответила Имоджин. - Но я тоже была бы немного раздражена, если бы

была только двухмерной. - к тому времени, когда усталый портрет понял, что было сказано, и начал возмущенно бормотать, Имоджин была уже вне пределов слышимости. Она зашагала по коридору, а затем, повинувшись внезапному порыву, направилась к западной башне, ее целью была совятня. Олвина вполне могла вернуться ночью, возможно, с ответным письмом для нее. И поэтому она поспешила к своей цели, быстро взбежав по лестнице на вершину башни.

Было еще темно, и совы, будучи ночными существами, бодрствовали и не беспокоились из-за почти бесшумного появления Имоджин. Олвина тут же подлетела к Имоджин, гордо выставив ногу с прикрепленной запиской. Имоджин нежно погладила птицу, похвалив Олвину за ее скорость. - Надеюсь, ты успела перекусить после долгого перелета, - добавила она.

Вместо ответа Олвина выкашляла остатки несчастного существа, которое съела по дороге домой. У Олвины не было настоящей необходимости изрыгать полевку, но она очень гордилась своим охотничьим мастерством, которое значительно улучшилось с тех пор, как она прибыла в Хогвартс - она многому научилась у более опытных сов и стала грозным ночным хищником. Хотя Олвина и понимала, что пытаться произвести впечатление на бескрылых неприлично, она надеялась, что на носителя ее переносного насеста это произведет впечатление. Имоджин и бровью не повела.

- О, молодец, Олвина! Молодец, - ответила она с явным отвращением. Сова прихорашивалась и взлетала обратно на стропила, радуясь, что ее оценили, пусть даже только земляне. С посланием в руке Имоджин отправилась в свой класс. В школьных коридорах стояла абсолютная тишина, и Имоджин пришло в голову, что она, возможно, вышла так рано, что нарушает какое-то правило. Она вошла в класс, никого не встретив, и была очень рада, что не столкнулась с Пивзом. Оказавшись внутри, она поставила сумку с книгами и нетерпеливо открыла письмо, которое принесла ей Олвина.

- Дорогая Имоджин, - начиналось оно, - Большое Вам спасибо за Ваше письмо от 17 сентября, я должна была бы вернуть Вам Вашу сову немного раньше с этим письмом, и на самом деле у меня нет никакого оправдания, потому что, как Вы уже знаете, у меня очень мало дел, так как мне запрещено писать что-либо для публикации в настоящее время и еще в течение некоторого времени. Просто временами я чувствую себя настолько подавленной, что мне трудно заставить себя что-либо делать. Мне было так приятно узнать о Ваших успехах на дуэли - как умно Вы с Гарри Поттером поступили! И большое спасибо за Ваши добрые замечания о статье, которую я написала так давно, об улучшении отношений между людьми и другими магическими существами. Я удивлена, что Вы наткнулись на это, потому что я думала, что никто не интересовался более ранними вещами, которые я написала - более сенсационные вещи всегда вызывали наличие у меня фанатской (или ненавистной) почты. Но Ваше письмо было первым, которое я получила по поводу этой старой статьи, и оно меня так обрадовало, потому что я вложила в него столько сил, а получила так мало. Я надеюсь, что Ваши занятия будут продолжаться хорошо. Теперь я чувствую себя такой покинутой и обнищавшей. Дело не только в нехватке денег, хотя и это достаточно плохо. Я просыпаюсь утром и просто не знаю, что с собой делать. Письмо от Вас - это чудесный перерыв, даже короткая записка очень приветствуется. Я надеюсь, что Вы сможете написать мне снова в ближайшее время.

Письмо было подписано Ритой Скитер.

Имоджин достала чернильницу, перо и пергамент. Как всегда, когда она начинала что-то писать, она всегда вспоминала свое первое использование пера в кабинете профессора Дамблдора, и это всегда вызывало улыбку на ее лице.

- Дорогая Мисс Скитер, - начала Имоджин, - Я понимаю, как Вам, должно быть, грустно, что Вы не можете писать. Но Вы так много писали за эти годы, что у вас, должно быть, огромная коллекция статей. Я знаю, что Вы очень боитесь Гермиону (и я не виню Вас - она действительно грозная ведьма), но, может быть, Вы напишете ей и спросите, можно ли Вам поработать не над чем-то новым, а над сборником Ваших старых статей. Это даст Вам хоть какое-то занятие. Если хотите, я могу попросить Гермиону - она мой хороший друг, и я буду очень рада подойти к ней вместо Вас.

Покончив с коротким письмом, Имоджин свернула его и положила в сумку с книгами, чтобы позже передать сове. Теперь пришло время поработать над неразрушимым заклинанием, потому что она надеялась, что позже утром оно понадобится ей для приготовления зелий.

<http://tl.rulate.ru/book/43789/1022367>